

Туфанова О. А.

ПОЭТИКА ТРАГИЧЕСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/100.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 237-239. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

с испанским *ser víctima* (букв. то же), но английская фразема *to be prey* (букв. то же) в зависимости от контекста может иметь значения: 1) 'пострадать от чего-либо'; 2) 'мучиться, терзаться'; рус. *прямо под носом* может иметь следующие значения: 1) 'непосредственно перед кем-либо'; 2) 'открыто, но обычно незаметно для окружающих' - англ. *right under somebody's nose* (букв. то же в обоих значениях), но испанский *delante de la nariz de uno* (букв. то же) однозначен имеет только значение 2; рус. фразеологизме *из первых рук* 'новый, полученный непосредственно из источника' - англ. *at first hand* (букв. то же), испанская фразема *de primera mano* (букв. то же) помимо обозначенного имеет еще одно значение 'знать не понаслышке' и др.

Особо следует отметить ФП, появившиеся в различных языках в результате заимствования из одного источника. К таким источникам можно отнести античную мифологию и библейские тексты. Например, такие заимствования из античной мифологии: рус. *яблоко раздора* - англ. *apple of discord* (букв. то же) - исп. *manzana de discordia* (букв. то же) со значением 'предмет спора, разногласий'; рус. *Ахиллесова пята* - англ. *Achilles' heel* (букв. то же) - исп. *el talón de Aquiles* (букв. то же) со значением 'чье-либо слабое, уязвимое место' и мн. др. Или примеры заимствований из библейских текстов: рус. *око за око, зуб за зуб* - англ. *an eye for an eye, a tooth for a tooth* (букв. то же) - исп. *ojo por ojo, diente por diente* (букв. то же); рус. *всему свое время* - англ. *all in good time* (букв. все в хорошее время) - исп. *cada cosa en su tiempo* (букв. каждое дело в свое время) и мн. др.

Итак, мы получили многозонное, ядерно-периферийное и динамичное поле, составляющими элементами которого являются разнообразные виды ФП. Предполагается, что данная модель сопоставления фразеологизмов разных языков может быть применена и к другим языкам, но при определенных доработках и изменениях.

Список использованной литературы

1. **Алефиренко, Н. Ф.** Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии / Н. Ф. Алефиренко. - Полтава: Полт. гос. пед. ин-т, 1990. - 62 с.
2. **Мокиенко, В. М.** Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Высш. шк., 1989. - 287 с.
3. **Супрун, В. И.** Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В. И. Супрун. - Волгоград: Перемена, 2000. - 172 с.
4. **Шанский, Н. М.** Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. - 3-е изд., испр. и доп. - М.: Высш. шк., 1985. - 160 с.
5. **Diccionario Fraseológico Documentado del Español Actual: locuciones y modismos españoles** / ed por Manuel Seco. - Madrid: Aguilar lexicografía, 2004 - 1085 p.
6. **Oxford Advanced Learner's Dictionary** / ed by Jonathan Crowther. - Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 1995. - 1430 p.

ПОЭТИКА ТРАГИЧЕСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Туфанова О. А.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Эстетическая категория "трагическое", осмысляемая в литературе и искусстве как тяжкие страдания или гибель личности, в средневековой литературе трактуется как мученическое, как страдания и гибель за идеи христианского вероучения. "Только страдание законно бываемое, то есть за известную истину, - по мысли Феофана Прокоповича, - за догматы вечных правды, за непременный закон божий, полезно и богоугодно есть" [Травникова 1989: 64]. Именно такое богоугодное страдание, мучения во имя Христа являются главным предметом изображения в творчестве Аввакума.

Источником трагического в произведениях Аввакума является драматическое событие в истории русской церкви - раскол, произошедший в результате церковной реформы патриарха Никона. Главной причиной проведения реформы послужили сугубо политические цели: стремление объединить православную русскую церковь и церковь Украины, воссоединившейся с Россией в 1654 г., а также "планы присоединения к России земель, находившихся в то время под властью турецкой империи. Эти далеко идущие планы политической экспансии нуждались в идеологическом оправдании. Оно состояло в том, что на великую свободную христианскую державу возлагалась священная миссия защитить попираемую веру православных народов" [Гусев 1960: 65]. Чтобы претендовать на признание этой миссии другими православными церквями, необходимо было устранить различия в обрядности. Эти различия касались ритуала церковного богослужения, произнесения некоторых молитв, сложения пальцев при крестном знаменении, текстов церковных книг и т.д. С этой целью было решено обратиться к древним книгам и реформировать русскую церковную обрядность в соответствии с древними образцами. Но произошла путаница, какие книги считать верными: старогреческие, с которых переводили древнерусские книжники, или новогреческие богослужебные книги, легшие впоследствии в основу переписки русской церковной литературы. Формально это разногласие и послужило поводом для раскола.

Начало раскола относится к 1653 г., когда вышла Псалтирь, где были опущены статьи о двуперстии и о поклонах, занимавших видное место в предшествующих изданиях Псалтыри. После этого перед началом

Великого поста 1653 г. по церквам было разослано послание патриарха Никона, в котором двуперстие заменялось на трехперстное крестное знамение и сокращались земные поклоны при чтении великопостной молитвы Ефрема Сирина. Именно об этом исходном моменте церковного "нестроения" пишет Аввакум в своем "Житии": "В постъ великой прислалъ память х Казаньской к Неронову Иванну... В памяти Никонъ писать: Годъ и число. По преданию святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, не подобаеъ во церкви метания творити на колону, но в поясъ бы вамъ творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились" [РИБ 1927: 15].

Фактически никоновские реформы не касались содержания церковной обрядности - они меняли форму. Но "форма и содержание принципиально отождествлялись в традиционном культурном сознании" [Успенский 1994: 333]. И потому нововведения вызвали резкую отрицательную реакцию Аввакума и других "ревнителей старины", увидевших в реформе наступление "зимы еретической": "Мы же задумались, сошедшеся между собою; видимъ, яко зима хоцетъ быти"(15). Первоначальная реакция на послание Никона - недоумение. Аввакум использует здесь прием умолчания. Как правило, протопоп довольно подробно описывает свои размышления по поводу вопросов веры, вспомнить хотя бы вступление к "Житию". А здесь он замалчивает важнейшие этапы размышлений и показывает итог раздумий. Нововведения Никона трактуются как наступление "зимы". По народным представлениям, зима - время сна, смерти в природе. Сравнение церковных перемен с зимой имеет символическое звучание - умирание истинной веры. Придя к такому выводу, Аввакум и Неронов сами ужаснулись того, до чего додумались. Отсюда становится понятна физиологическая реакция на послание: "сердце озябло и ноги задрожали"(15), свидетельствующая о страхе, обуявшем их. И в то же время здесь пока еще нет однозначной оценки реформ, Аввакум пока только сравнивает нововведения с "зимой", что говорит об отсутствии в этот период времени у него полной уверенности в правильности вывода, к которому они пришли. Отсюда эмоциональная и содержательная скупость, умолчание.

Неуверенность и страх заставляют духовного отца протопопа уединиться в Чудовом монастыре и молиться "седмицу". "И тамъ ему от образа гласъ бысть во время молитвы: время приспе страдания, подобаеъ вамъ неослабно страдати!"(15), о чем Неронов и возвестил братии. Получив божественное подтверждение своей правоты, Аввакум более не сомневается в неправильности происходящего. Его оценки становятся однозначными и безапелляционными. На протяжении всего "Жития" он величает Никона не иначе как отступником: "волька и отступника Никона, злодея и еретика"(50), "Никону, завоучику ересемъ"(63), "в то время Никонъ отступникъ веру казиль и законы церковныя"(4), "отступниковъ отрицаюся и клену, - враги оне Божии"(40) и т.д. "Нестроение церковное" мыслится Аввакумом как общее трагическое состояние мира: "не по што ходить в Перьсиду, а то дома Вавилонъ"(65). Прежнее восприятие своей земли как праведной разрушено церковным расколом, и теперь "своя земля в пространственно-географическом смысле становится "заграницей" [Лотман 1965: 214]. Трагическое восприятие исторических событий усугубляется еще и тем, что реформы Никона и поведение его единомышленников в представлении протопопа - это деяния дьявола. Аввакум называет патриарха слугой антихриста, а его последователей - зверями: "Никонъ, адовъ песь"(66), "а ихъ пестрообразныхъ зверей обличаль"(51), "велико антихристово войско собралося"(59). Стремление никониан "огнемъ да кнотомъ, да висилицею... веру утвердить"(65) заставляет Аввакума именовать их "шиши антихристовы"(65). В финале "Жития" протопоп окончательно размежевывается с "новообрядцами": "Мой Христось не приказалъ нашимъ апостоломъ такъ учить, еже бы огнемъ да кнотомъ, да висилицею в веру приводить... волею зоветь Христось"(65).

В "Книге Бесед" Аввакум создает не менее неприглядный образ реформаторов. Никон получает более хлесткие характеристики, чем это было в "Житии": "врага Божия, патриарха Никона"(273), "кобель борзой Никонъ, врагъ"(283), "собака Никонъ"(390), "съ Никономъ с носатымъ и с брюхатымъ, съ борзымъ кобелемъ, отступникомъ и еретикомъ"(366). Как видно, доминирующее определение в его характеристике здесь - собака, в "Житии" - отступник. Аввакум принижает в "Книге Бесед" образ патриарха, лишая его по сути человеческих качеств. Более того, имя главного врага протопопа становится синонимом имени дьявола: "Никонъ...внутрь сый дьяволь"(245), поскольку именно он "начать казнити правоверие, повелеваяй трема персты креститися и в постъ Великий въ церкви в поясъ творити метания"(246). То есть Никон в представлении Аввакума - "чортъ болшой"(246).

Зловеще звучат прозвища, которыми протопоп одаривает никониан. Аввакум проявляет необыкновенную изобретательность в определениях врагов "старой веры". Порой его определения представляют собой брань: "вась... татей"(316), "знаю все ваше злохитрство, собаки, б...и, митрополиты, архиепископы, никоняна, воры, прелатагаи"(292). Нередко он использует *сравнения* из мира животных (чаще всего никониане, как и патриарх, уподобляются собакам): "а вас, собакъ"(303), "вась, сущихъ волковъ"(316), "вы, бешаные собаки"(330); *метафорические эпитеты*: "отступниками пребеззаконными"(305), "а вы, блазнители, губители, и прелестницы душъ человеческихъ"(317); *прямые отрицательные характеристики*: "нынешнии роисийсти преступницы"(319), "нынешнихъ... раздирателей зловерныхъ церковныхъ"(311), "вась...губителей душъ христианскихъ"(316), "враговъ креста Христова, никонянь"(326). Многие определения имеют этический оттенок, в реформаторах подчеркивается злое начало: "опасатися нынешнихъ злыхъ учителей, а паче реши губителей, отъ ихъ предания душевреднаго, а не спасеннаго"(322). Нередко встречаются пафосные определения: "никонянь, врагъ души своей!"(354). Иногда Аввакум уподобляет никониан физиологическим отправлениям: "А ты кто? Каль еси, вонь еси, песь еси смрадный! Никонянинь!"(352). И если в "Житии" он называл их предтечей антихриста, то в "Книге Бесед" он уже прямо говорит: "А нынешнии последнии

отступницы церковни... подобает их нареци не предотечами, но настоящими сего пришедшаго времени истовыми слугами антихристовыми”(324). Стремление нарисовать ярко и в то же время неприглядно образ реформаторов приводит к обилию прозвищ, которыми протопоп наделяет своих противников. Никониане, с точки зрения Аввакума, являются преступниками, губящими не только свои души, но и чужие. Отсюда вытекает трагическое противостояние новообрядцев и старообрядцев в произведениях протопопа Аввакума.

Главной причиной трагического состояния мира в России являются церковные нововведения, которые трактуются как искажение веры и законов церкви, ересь: ”укоряю ересь Никонову”(20), ”обличай блудню еретическую”(43), ”ересь никониянскую”(43). Самый факт произошедшего оценивается на страницах ”Жития” с позиций провиденциализма: ”Выпросил у Бога светлую Россию сатона”(52). Наступившее время получает жесткую характеристику - ”зима еретическая”(43), ”люто время”(16).

В ”Книге Бесед” Аввакум также неоднократно указывает на чуждость проводимых реформ древнему благочестию и называет их еретическими: ”на крестоборную ересь никониянскую”(241), ”нововводныя коби еретическия”(268), ”к злобе преступническаго никониянскаго учения”(328), ”остерегайтесь отъ ихъ нынешнихъ нововнесенныхъ вселукавыхъ кривопривильныхъ догматствъ, во всемъ противныхъ и чуждыхъ древнему благочестию”(322). Время реформ и в этом памятнике уподобляется ”зиме”: ”Яра ныне зима”(366). Однако существуют и различия в трактовке никонианства. В ”Книге Бесед” настойчиво проводится мысль, что отцом всех никониан является сатана и действуют они не самостоятельно, будучи ослепленными и обманутыми дьяволом, а по дьявольскому научению: ”А миру - тому державецъ дьяволь; онъ такъ научаетъ делать”(257), ”Увы, ослепилъ сатана! Водимы духомъ противнымъ, и сами не сведятъ, камо грядуть”(278), ”Не ваше то дело, но бесовское научение”(290), ”Понеже не ведятъ и сами что творятъ. Тако ихъ ослепилъ сатана”(307), ”Что велить дьяволь, то и делаютъ!”(358) и т.д. Дьявольская природа их поведения подчеркивается антигуманными действиями никониан в отношении несогласных с ними: ”а Христовыхъ техъ людей вяжутъ, да кую, да мучать, да беды наводятъ, да и в смерть загонить”(258), ”Токмо жги, да пали, секи, да руби едиородныхъ своихъ!”(278). Интересно, что при всей своей нелюбви к никонианам Аввакум жалеет их, потому что они обмануты дьяволом: ”Явно обманулъ дьяволь русскихъ людей, бедныхъ”(264), считает, что истинные христиане должны плакать о них: ”Плакати о васъ подобаетъ, а не ругати: понеже плоть от плоти наша”(290), ”Како о вас не плакать? Плачу рече, яко взялъ васъ живыхъ дьяволь”(292). Главная причина столь трогательного и нетипичного для протопопа отношения к реформаторам заключается в том, что в них еще живо древнее благочестие и не своей волей, а дьявольским ”наущением” они творят беззакония: ”Подобне какъ искра в пепеле, такъ-то, никонияне, и в васъ лишю является признакъ единъ древняго благочестия прежняго предания церковнаго”(315). Однако подобное отношение к никонианам на страницах произведений Аввакума весьма редко встречается. Как правило, он клеймит их всячески, призывает остерегаться их еретической ”блудни”, дабы не погибнуть: ”Побереги едиородную свою душу, которая въ тебе едина есть. Аще ли увязнувь, во прелести ихъ обрящешиси и съ темъ во веки погибнеши и назадъ возвращения в тело не получишь”(310). Страх лишиться будущего загробного блаженства, вечной жизни и вечной радости заставляет Аввакума быть непримиримым к новообрядцам: ”Ныне вамъ отъ никониянъ огонь и дрова... тамо ангельския песни и славословие, хвала, и радость, и честь, и вечное возрадование”(350).

Трагическая непримиримость Аввакума с никонианами отчасти объясняется тем, что протопопом не были поняты глубинные политические и миссионерские причины церковной реформы, а формальные изменения были восприняты как посягательство на истинную веру. В его сознании ”нестроение церковное” получает вселенский размах и отождествляется с мировым злом в лице антихриста. Болен весь мир: ”повсюду нача болезнь болети болезненно, и распространитися гной по вселенной всей”(276). Размыты границы между странами: ”Не по што в Персы итти печи огненные искать: но Богъ даль дома Вавилонъ”(286). Отсюда трагическое мироощущение, связанное с восприятием происходящего как дел дьявола, отсюда трагическое противостояние новообрядцев и старообрядцев и понимание трагического в произведениях протопопа как страдания и гибели за ”старую” веру. В этом кроется принципиальное отличие в трактовке трагического Аввакума и предшествующей ему древнерусской литературы, для которой было характерно религиозное осмысление ”трагического как страдания и гибели за идеи христианского вероучения” [Травников 1989: 64].

Список использованной литературы

1. **Гусев 1960** - Гусев В.Е. Протопоп Аввакум - выдающийся русский писатель // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его произведения. М., 1960. - С. 5-51.
2. **Лотман 1965**- Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам, II. Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 181. Тарту, 1965.
3. **РИБ 1927** - Памятники истории старообрядчества за первое время его существования. Кн. 1, вып. 1 // Русская историческая библиотека. - Л., 1927. - Т. 39. В скобках указываются столбцы, орфография упрощена.
4. **Травников 1989** - Травников С.Н. Писатели петровского времени: литературно-эстетические взгляды (путевые записки). - М., 1989.
5. **Успенский 1994** - Успенский Б.А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б.А. Избранные труды, т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. - М., 1994. - С. 333-367.